

УДК 1(091)

ОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ» В РАМКАХ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ Р.ДЖ. КОЛЛИНГВУДА¹

А.А. Аванесян

ФКУ НИИИТ ФСИН России, г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.3.203

Теория исторического познания Р.Дж. Коллингвуда выстраивается на основе методики воспроизведения интеллектуального опыта человека прошлого в современном контексте. Такой подход отводит ключевую роль в процессе исследования прошлого рефлексии историка, работа которой ориентирована на осмысление исторических свидетельств. В результате развития этих идей складывается представление о присущем историческому познанию характере опыта, отличающегося принципиальной незавершенностью, изменчивостью и способностью к самосовершенствованию.

Ключевые слова: философия истории, неогегельянство, рефлексия, исторический опыт.

Теория исторического познания Р.Дж. Коллингвуда продолжает неогегельянскую традицию, полагая в качестве фундамента исследования прошлого осмысление сохранившихся свидетельств. Рефлексивное движение мысли в этом подходе становится основополагающим принципом построения самостоятельной методики исторического исследования, фактом чего обосновывается научный характер знания о прошлом. Методологическая автономия истории как формы научного знания подкрепляется ее неразрывной связью с философией, ресурсы которой позволяют сформулировать взаимосвязанную картину развития событий прошлого и целостное видение исторического становления. Важнейшей частью этой системы осмысления познания прошлого оказывается утверждение активной роли исследователя. В конечном итоге именно от историка, его возможностей, эпистемологического инструментария, личностных особенностей зависит созданное им повествование о прошлом. Историческое познание, таким образом, оказывается сущностно укорененным в ситуации современности исследователя. Это видение наделяет познание прошлого характером опыта: историческое знание является продуктом осмысления источников, формируемого под влиянием индивидуальных способностей историка, а результат проведенной работы, в свою очередь, влияет на личность исследователя, способствуя дальнейшему развитию представлений о прошлом. В этом от-

© Аванесян А.А., 2021

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Постклассическая западная философия истории: исторический опыт и постижение прошлого» № 20-011-00406.

ношении теория Р.Дж. Коллингвуда сближается с основополагающими идеями герменевтического подхода к философии истории.

Исследование коллингвудианского проекта исторической эпистемологии позволяет лучше понять процесс формирования и развития философской категории «исторический опыт», в которой нашли выражение различные особенности восприятия человеком прошлого. Работа в этом направлении имеет особое значение, поскольку высказанные британским философом в этой связи идеи оказали влияние на дальнейшее развитие как англо-американской аналитической школы философии истории, так и европейской континентальной традиции осмысления исторической проблематики.

Методика исторического познания

Принципиальной основой осмысления истории как формы знания в философии Р.Дж. Коллингвуда является ее атрибутирование в качестве одной из наук в общем ряду научных дисциплин. История не воспринимается радикальной иной, противостоящей в своей сущности естествознанию, познавательной дисциплиной [5, с. 443]. Вернее было бы сказать, что она отличается от прочих наук не более чем, например, геология отличается от физики. Исходя из этой позиции, критике, в частности, подвергается утверждаемое представителями Баденской школы неокантианства разделение на номотетические и идеографические науки [7, с. 169–170]. В соответствии с баденской доктриной методологическое различие между историей и естественными науками определяется исследовательским интересом и ценностной нагрузкой предмета исследования. Ученый исследует ценностно-нейтральные объекты, не представляющие интереса с точки зрения их индивидуальной уникальности, в то время как историку интересны именно сингулярные факты в их индивидуальности, однократные события, соотношенные с определенным родом общественной ценностью. Целью естествознания, таким образом, является обобщение, формирование нового знания путем выявления общих свойств объектов, предельной формой чего представляется открытие фундаментальных законов природы, история же ориентирована на как можно более точное описание единичных фактов.

Коллингвуд критикует само разделение операций обобщения и индивидуализации, утверждая, что одно неотделимо от другого: рассматривать в отдельности строго индивидуальное (чувственные данные) и строго обобщенное (научные понятия) можно только в качестве абстрактных терминов, на практике они предстают взаимосвязанными элементами единого конкретного объекта познания [5, с. 447–448]. В этом смысле термины, при помощи которых наука пытается объяснить чувственно воспринимаемые факты, и сами факты, интерпретируемые в терминах той или иной системы знания, не имеют независимого существования. Понимание фактов, характер их восприятия определяется

структурой интерпретации, которая, в свою очередь, формируется на основе фактов. Отдельные науки отличаются друг от друга именно способом интерпретации окружающей действительности, системой понятийного объяснения мира [5, с. 447]. История точно так же, как и остальные научные дисциплины обобщает, формируя собственную методику объяснения предмета исследования при помощи специфически исторических понятий [там же, с. 449]. Под наукой при этом понимается система обоснованного, методически выверенного знания, т. е. знания, основанного на проработанной методологии. Следует отметить, что в рамках Баденской школы тоже выделяется именно методологический критерий разделения наук. Но если для В. Виндельбанда и Г. Риккорта история и естествознание различными способами исследуют единую действительность, что фактически означает независимость методологии от предмета изучения – способ работы с объектом определяется целью исследования, а не характером объекта, то для Коллингвуда методика, а вместе с ней своеобразие и ценность исторического познания в своей сущности определена особенностью его предмета. Естественно-научные дисциплины изучают события (events), в то время как история призвана исследовать деяния (actions), поступки людей, в которых находит отражение их внутренний мир, духовная деятельность [7, с. 213]. Тем не менее разделение объектов научного исследования на events и actions не является эссенциальным: то, что историк изучает как деяния, в контексте другой научной дисциплины может быть рассмотрено как событие [8, с. 136]. В сферу исторического исследования вовлекаются те процессы, за которыми историк может проследить целесообразную деятельность человека, проявление рациональной активности.

Отличительной чертой исторических процессов видится то, что они выступают результатом человеческих действий, в которых можно выделить внешнюю сторону – то, что воспринимается наблюдателем со стороны, и внутреннюю сторону – ход мыслей или эмоции человека, побудившие к совершению определенных действий. В сравнении с этим, в природных процессах есть только внешняя сторона. Иными словами, в естественных процессах действует внешняя по отношению к предметам причинность и задача ученого, раскрыть причины тех изменений, которые происходят с объектами, выражением чего и оказываются естественные законы. Причины исторических событий, по мнению Коллингвуда, всегда внутренние [7, с. 214–215]. Чтобы их понять, необходимо раскрыть смысл поступков деятелей, т. е. понять ход их мыслей, цели, которые они перед собой ставили, способы достижения этих целей, которые им представлялись целесообразными, в конечном итоге – восстановить телеологию поступков людей прошлого. Чтобы понять человеческие поступки, требуется рациональное объяснение [8, с. 139]. Исторический метод исследования, с этой точки зрения, должен быть методом, ориентированным на постижение человеческого духа и его

проявлений, посредством него историк должен иметь возможность воспроизвести мысль человека прошлого. Задачей видится живая реконструкция рациональных суждений и мотиваций исторических деятелей [1]. Вместе с тем такая операция не полагается пассивным пониманием того, о чем думал человек прошлого, вчувствованием в его мышление. Коллингвуд пишет об активном восприятии, воспроизведении мысли прошлого в контексте знаний историка, то есть о критике воспроизводимых идей [7, с. 215]. Чтобы понять прошлое, исследователю необходимо проверить, выявить ошибки в суждениях изучаемых деятелей, оценить их значение и т. д. Возможность для этого заложена способностью к рефлексии.

Историческое мышление рефлексивное по своей сути [7, с. 307]. Именно способность осмысливать духовную деятельность сознания, т. е. думать не только об объекте мысли, но и о процессе мышления, позволяет воспроизвести интеллектуальный опыт человека прошлого в современном контексте. Рефлексия позволяет опосредовать мысль, абстрагировав ее от непосредственного потока психологических состояний субъекта. В этом смысле раскрывается двойственная, субъективно-объективная природа мысли [3, с. 444]. С одной стороны, она входит в комплекс естественных переживаний человека, поток непосредственных чувств и эмоций им испытываемых, но в то же время она способна выражать знание, а значит передавать информацию. Эта информация может быть воспринята другим субъектом и воспроизведена в ином контексте. Историк не может испытать те же чувства, которые испытывал Евклид в момент выведения доказательства теоремы о равенстве углов при основании равнобедренных треугольников, но понять ход его мысли, повторив его доказательство и воспроизведя тем самым уже полученное Евклидом знание, возможно. Такой подход накладывает очевидное ограничение на методологию постижения прошлого – познаваемы только рациональные, целесообразные действия исторических деятелей [7, с. 312–313]. Более того, историку должны быть понятны мотивы и движущие силы, направлявшие действия человека прошлого. Неустрашимой предпосылкой исторического познания в этой концепции оказывается допущение некоторого рода духовной связи прошлого с современностью. Прошлое познаваемо постольку, поскольку в настоящем продолжают жить и быть понятными способы мышления человека того времени [4, с. 378]. Результат применения предложенной Коллингвудом методологии напрямую зависит от ответа на вопрос, до какой степени современному человеку может быть понятен интеллектуальный опыт совершенно иной социокультурной реальности [1].

Приведенное возражение, безусловно, высвечивает одну из слабых сторон эпистемологической доктрины Коллингвуда, однако вместе с тем оно несколько смещает акцент с центрального пункта философских размышлений британского философа, для которого познание про-

шлого конституируется, в первую очередь, рефлексией исследователя. Задачей историка видится не восстановление в точности мысли человека прошлого такой, какой она представлялась в то время, не переживание той же самой мысли, но осмысление этой мысли в контексте тех знаний и при помощи того инструментария, которыми обладает историк. Научно обоснованное познание прошлого в этом подходе оказывается возможным, поскольку исследователь, воспроизводя опыт человека прошлого, не делает его своим собственным опытом, но рефлексивно включает опыт прошлого в контекст своих размышлений, дистанцируясь от них [7, с. 174], переживая свой собственный опыт познания. Ретроспективный взгляд из настоящего в прошлое, сама позиция, которую занимает исследователь, формирует определенного рода подход к рассматриваемым событиям. Историк всегда доступна информация, которой не обладали непосредственные действующие лица. Анализируя конкретные решения людей, историк осмысляет их, имея представление о том, к чему они привели, а значит он может принять решение об их правильности или ошибочности и вписать отдельные события в более широкий контекст исторического процесса, что очевидным образом дополняет полученные знания. Другой важной составляющей концепции Коллингвуда является особое внимание к тому, что историк недоступно непосредственное восприятие мысли человека прошлого. Исследуемые им события, факты, которыми занимается история, не могут быть наблюдаемы, их необходимо восстановить на основе сохранившихся свидетельств. Таким образом, рефлексия историка, целью которой является воспроизведение и понимание рациональных мотивов, причин и целей актов исторических деятелей, фактически направлена не на саму эту интеллектуальную деятельность, но на исторические источники, в которых она могла получить отражение.

Поскольку предмет исторического исследования не обладает актуальным присутствием в настоящем и недоступен для непосредственного наблюдения, задачей историка полагается реконструкция изучаемых событий [7, с. 97]. Работа историка не ограничивается выявлением причин произошедшего, он должен не только объяснить, почему произошли конкретные события прошлого, но и установить, что это были за события, реконструировать их. Причем в понимании Коллингвуда это не два разных этапа исследования, ведь восстанавливая рациональные причины действий участников событий, историк одновременно понимает и смысл происходивших процессов [9, с. 44–45]. Единственным способом решения такой задачи видится исследование сохранившихся от интересующих историка событий документов. Исторический источник выступает ключевым элементом познания прошлого. Однако, будучи ключевым элементом, он не является самостоятельной составляющей познания прошлого. Опираясь на наследие английской школы критической философии истории, равно как и на свой собственный опыт архео-

лога, Коллингвуд рассматривает сообщения источников в качестве ресурса информации, который историк может использовать в своей работе [2, с. 69]. Без сохранившихся документов или артефактов невозможно восстановить исторические факты, но источники не содержат в себе факты в готовом виде. Историк должен проверять содержащуюся в свидетельствах информацию, задавать вопросы, пытаться свои источники, чтобы добыть интересующие его сведения [7, с. 269–270]. Подлинно научная история, в отличие от истории компилятивной, которая механически инкорпорирует информацию из аутентичных источников, проводит критику, пытаясь не только проверить достоверность передаваемых сведений, но и выявить ту информацию о прошлом, которая содержится в них не артикулировано. Для отвергаемой Коллингвудом истории «ножниц и клея» характерно восприятие источника в качестве авторитетного свидетельства о каком-либо событии [8, с. 116]. Применение этого подхода на практике предоставляет возможность отделить исторически ценные источники информации от свидетельств, не заслуживающих внимания исследователя. В частности, для исторической науки XIX в. характерен спор о возможности использовать в качестве источника знаний по истории Древней Греции гомеровского эпоса. Положение, которое занимает историк при такой парадигме, неизбежно оказывается пассивно, его задача сводится к объединению информации, содержащейся в отобранных источниках. Единственной доступной критикой при этом является решение вопроса о том, возможны ли описываемые в свидетельствах события в соответствии с известными законами развития [8, с. 119–120].

Согласно концепции Коллингвуда, исследователь прошлого занимает активную позицию по отношению к свидетельствам. Получаемое в результате его работы знание зависит не только от качества находящихся в его распоряжении источников, но и от умения правильно работать с ними. Такое восприятие исторических источников формирует проблемный подход в качестве основы методологии исторического познания. Определяя сущность истории, британский философ особо подчеркивает, что она является научным исследованием, т. е. попыткой ответить на вопросы, которыми задается исследователь [7, с. 9]. Тематика исследования определяется не набором источников, доступных для изучения, а той проблемой, решить которую пытается историк. Именно отталкиваясь от поставленной проблематики, исследователь отбирает свидетельства и ставит вопросы к ним. Активная позиция историка изменяет отношение к источникам и методику работы с ними. Развиваемая доктрина предлагает рассматривать свидетельства в качестве улики, при помощи которых исследователь находит ответы на интересующие его вопросы. Точно так же, как и детектив, историк должен на основе сохранившихся свидетельств сформировать воображаемую картину произошедших событий [7, с. 243], и так же, как и в случае расследова-

ния преступления, убедительность сконструированной версии определяется собранными доказательствами. В этом подходе не существует исторического источника самого по себе, независимого от исследования, как не существует улики, одинаково работающей в разных преступлениях одного класса. Каждое исследование требует таких источников, которые позволят решить поставленную проблему, достаточность свидетельств определяет только вопросом о том, достигается ли при их помощи заявленная цель исследования. Строго говоря, источником может стать любой объект, который исследователь способен использовать в качестве свидетельства об интересующих его событиях. В контексте предложенной Коллингвудом методики вопроса и ответа результат исследования определяется профессионализмом историка, его умением извлекать из источника необходимую для ответов на поставленные вопросы информацию. С другой стороны, чтобы стать источником, артефакт или документ должен быть осмыслен как свидетельство о событиях прошлого – только то, что используется историком в качестве свидетельства, становится источником [7, с. 12].

Через интерпретацию источников исследователь понимает прошлое. С этой точки зрения источник представляет историческую ценность не потому, что он передает информацию о событиях прошлого, но в первую очередь потому, что запечатлевает в себе мысли людей прошлого. Будучи продуктом иной исторической эпохи, источник, так или иначе, уже своим существованием хранит важную информацию о прошлом – о методах его изготовления и функционирования, о способах письма, если это письменный источник, языке и т. д. В рамках рассматриваемой доктрины акцентируется внимание именно на том, что путем анализа сохранившихся свидетельств историк может восстановить способы мышления прошлого. В этом смысле, исследователь через источники как бы ведет диалог с прошлым. Такое видение сближает коллингвудианскую стратегию осмысления исторического познания с европейской традицией исторической герменевтики. Логику вопроса и ответа в качестве системы герменевтики рассматривает, в частности, Л. Минк [10]. Отдельно следует подчеркнуть, что утверждение интерпретации свидетельств в качестве основы методики исторического познания сближает теорию Коллингвуда с учением крупнейшего представителя герменевтического направления середины XX в. Х.-Г. Гадамера еще и тем, что отводит особую роль историографии рассматриваемой проблемы. Историк приступает к анализу источников в исторически заданной исследовательской ситуации. Свидетельства раскрывают себя в контексте сложившейся традиции осмысления, каждый исследователь подходит к изучению проблемы, уже имея определенное представление о ее состоянии и характере доступных документов, своим трудом он продолжает эту историографическую линию. Историческое познание, таким образом, оказывается знанием, привязанным к ситуации современ-

ности, изменчивым и непрестанно развивающимся. Познание прошлого коренится в настоящем [7, с. 60], проявляясь как взгляд на прошлое из исторически сложившейся герменевтической ситуации, и чем богаче историографическая традиция изучения некоторой проблемы, тем больше информации можно извлечь из конкретного источника [7, с. 247], уже постольку, поскольку эта традиция предлагает большее количество различных интерпретаций изучаемого свидетельства. Каждое исследование выражает глубоко индивидуальное видение изучаемых событий, но вместе с тем оно обогащает общее понимание прошлого. Историческое познание развивается в конкретных проявлениях исследовательской мысли, в диалоге между которыми формируется понимание прошлого.

Идея истории

Сформулированный на основе логики вопроса и ответа подход к интерпретации исторических источников позволяет выстроить плодотворную, но ограниченную методiku познания прошлого. Строго говоря, в соответствии с доктриной Коллингвуда собственно исторический способ познания применим исключительно к деяниям, событиям, в которых проявляется рациональная активность человека прошлого. Понять можно только проявления разума. Однако сведения источников очень часто бывают обрывочными, не освещая все интересующие исследователя подробности, равно как проблематичным, с предложенной точки зрения, представляется установление взаимосвязи между отдельными событиями прошлого. Коллингвудианский метод постижения прошлого ориентирован на исследование единичных фактов. С целью формулирования возможности показать связь между ними, выстроить целостный последовательный исторический нарратив британский философ, выходя за пределы исторической методологии, обращается к философии. И если познание единичных событий осмысливается в духе рефлексивного неогегельянского подхода, то проблема построения целостного повествования о прошлом в большей степени опирается на кантианскую линию трансцендентальной философии. Британский философ развивает концепцию априорного воображения как фундаментальной основы осмысления прошлого. В соответствии с этой идеей, историк, используя доступные свидетельства, должен выстроить воображаемую картину развития событий. Воображение позволяет экстраполировать полученные из отдельных сообщений сведения, устанавливая между ними связи: достоверно зная из источников, что Цезарь в один день находился в Риме, а в другой – в Галлии, историк, даже не находя свидетельств о проделанном пути, должен связать между собой эти сообщения, заключив, что Цезарь отправился из Рима в Галлию [7, с. 240–241].

Принципиально важен априорный характер этой работы воображения. Историк не нужно привлекать дополнительные знания из других областей или произвольно придумывать дополнительные детали, чтобы сделать необходимый вывод из рассматриваемых свидетельств. Воображение может пойти дальше, насыщая конструируемую картину подробностями, которые не могут быть подтверждены источниками, однако это уже окажется выходом за пределы научной истории в сферу художественного творчества. Коллингвуд подчеркивает необходимость осторожного и корректного применения этого инструмента. Устанавливаемые связи должны быть произвольными, необходимыми, иметь характер именно доопытного знания, проистекающего из базовых структур рационального мышления. Историческая картина событий прошлого формируется как сеть воображаемых конструкций, связывающая строго зафиксированные на основе анализа свидетельств факты; достоверность и убедительность этой целостной картины зависит от количества надежно установленных фактов и должной аккуратности при проведении связующих их нитей [7, с. 242]. При этом нельзя выделить иерархию или определить последовательность осуществления двух составляющих исторического познания. Фиксация отдельных событий столь же зависит от устанавливаемых между ними связей, как и связи зависят от зафиксированных событий [9, с. 197]. Единичные факты должны быть вписаны в общую картину. Установленная на основе уже достоверно известных фактов воображаемая структура развития событий прошлого сама оказывается инстанцией критики и проверки отдельных фактов. Если историк формулирует в целом непротиворечивую взаимосвязанную цепь событий, но какие-то единичные свидетельства выбиваются из общей картины, то это является обоснованным поводом для сомнения в их достоверности и, возможно, даже основанием для отказа от них [7, с. 244–245]. С другой стороны, столь же верно было бы сказать, что вновь установленный факт, достоверность которого не вызывает обоснованного сомнения, может кардинально изменить уже устоявшееся видение прошлого. Конструируемое представление о прошлом приобретает силу надежного исторического знания, если непротиворечиво абсорбирует установленные историком факты. Сформулированное же таким способом видение само становится критерием достоверности знания о событиях прошлого.

Этот ход размышлений приводит Коллингвуда к мысли о том, что единственным надежным критерием исторической истины может быть только фундаментальная идея истории – идея воображаемой картины прошлого [7, с. 248]. Априорная в терминологии Канта идея, принадлежащая каждому человеку на уровне структуры сознания, предшествует непосредственному опыту работы по изучению прошлого и не может в точности быть соотнесена с известными историком фактами. Тем не менее каждый исследователь, приступая к изучению некоторой про-

блемы, вне зависимости от уровня подготовленности или доступных и уже изученных источников обладает представлением о том, каким прошлое должно быть. Формируемая им картина прошлого никогда не будет в точности и во всех деталях соответствовать этому представлению [7, с. 249], но именно это априорное видение истории представляется в качестве основополагающей предпосылки познания прошлого. Сформулированный таким образом эпистемологический фундамент познания прошлого позволяет Коллингвуду рассматривать историю в качестве формы мысли, которая сама себя объясняет, определяет, санкционирует, обосновывает и только от себя самой зависит [9, с. 200]. Вместе с тем следует отметить, что британский философ находит этот фундамент принципиальной автономии исторической науки фактически за пределами самой исторической мысли, на априорном уровне работы сознания.

Идея истории рассматривается абсолютной предпосылкой работы исторического мышления, выступая в качестве безусловно принимаемого историком самоочевидного комплекса представлений, в соответствии с принципами которого организуется его работа [3, с. 435]. Развивая эту мысль, Коллингвуд фактически утверждает метафизическую основу самой возможности познания прошлого. Выраженное таким образом восприятие эпистемологии истории дает повод охарактеризовать рассматриваемое учение как отрасль дескриптивной метафизики, целью которой предполагается разъяснение априорных концептов исторической дисциплины [8, с. 109]. В этом смысле теория абсолютных предпосылок продолжает кантовскую линию осмысления априорных основ мышления, конституирующих познавательную деятельность человека. Существенным отличием при этом является утверждение изменчивости абсолютных предпосылок. Если у Канта априорные идеи предстают общими для всех людей трансцендентальными и неизменными опорами когнитивных способностей, как бы видовым свойством человека, то в изложении Коллингвуда абсолютные предпосылки оказываются скорее классом нерелексивных верований, которые не могут быть поставлены под сомнения в рамках выстроенной на их платформе системы знания [12, с. 30]. Коллингвудовский подход предполагает обязательное наличие таких предпосылок в структуре мыслительной деятельности каждого человека, но не их общий характер для всех людей. Проявления работы этих априорных комплексов представлений может отличаться у представителей различных эпох и культур. Саму метафизику британский философ рассматривает в качестве дисциплины, ориентированной на исследование процесса развития абсолютных предпосылок, их изменения с течением времени [4, с. 360]. Характерно, что такое исследование предполагается проводить также в логике метода вопроса и ответа [9, с. 145–147], в связи с чем метафизика приобретает черты исторического познания по своей сути. Применительно к априорным основаниям

восприятия прошлого и исторического познания такой подход реализуется в I-IV частях «Идеи истории».

Коллингвуд рассматривает априорную идею истории на уровне парадигмы восприятия прошлого, выделяя характерные особенности манифестации исторического сознания в различные эпохи развития европейского общества и прослеживая путь становления истории как формы познания. Однако, наряду с таким широким взглядом, можно также попробовать выявить индивидуальные черты в восприятии прошлого и у каждого отдельного исследователя. Так, например, интерпретируя теорию исторического познания самого Коллингвуда, можно в качестве абсолютной предпосылки выделить допущение, согласно которому исследуемая историком реальность является продуктом рациональной деятельности человека [8, с. 106–107]. Так же, как Кант формулирует принцип объяснения «как если бы» для обоснования необходимости в естественно-научном исследовании подходить к природе, предполагая законосообразное устройство изучаемого объекта, так и Коллингвуд требует от историка рассматривать деяния человека прошлого, как если бы они осуществлялись разумно. Только таким образом, с его точки зрения, можно понять и объяснить прошлое. Иными словами, историк должен приступать к своей работе, предполагая рациональность событий прошлого не потому, что в каждом из них действительно проявлялось рациональное целеполагание, но потому, что, только допустив разумный характер поступков исторических деятелей, события прошлого можно рационально объяснить. Точно так же и идея истории функционирует в качестве целостного восприятия истории не потому, что такая целостность присуща процессу исторического становления, но потому, что исследователю прошлого в его работе необходим обобщенный, целостный взгляд на историю.

Развиваемый Коллингвудом подход к объяснению специфики исторической науки утверждает сущностную связь исторического и философского знания. Познание прошлого предстает всегда современным, изменчивым, с необходимостью предполагающим плюральность возможных интерпретаций знанием, которое реализуется в творчестве конкретных историков и напрямую зависит от их взглядов, убеждений и доступного исследовательского инструментария. Такое видение в своей основе тесно сближается со сформулированной Б. Кроче доктриной исторической эпистемологии. Вместе с тем, Коллингвуд подвергает критике крочеанский подход, характеризуя его как трансцендентальный натурализм [6, с. 268] и указывая на неубедительность тезиса о необходимости позитивного характера суждений о деяниях людей прошлого [6, с. 272], равно как и на неправильное, по его мнению, понимание сущности естественнонаучного метода познания [6, с. 275–276]. Однако несравненно более показательным и важным представляется сходство обоих мыслителей в восприятии истории как проявления рефлексивной

мысли конкретного исследователя прошлого, что приводит к утверждению знания о прошлом в качестве продукта индивидуального опыта исторического познания.

Познание прошлого как результат работы исторического опыта

Коллингвуд сближается с Кроче, развивая идею общего фундамента философского и исторического познания. Философия является рефлексией по своей сути, британский философ определяет ее как мысль второго порядка – мысль, осмысляющая процесс мышления [7, с. 1]. История, в свою очередь, согласно неогегельянскому подходу строится на основе рефлексии [7, с. 307], как осмысление способов мышления человека прошлого. Философия, таким образом, оказывается интегральной частью истории, вернее, философская подготовка необходима историку для квалифицированного выполнения его непосредственной работы. Исследование прошлого конституируется движением мысли исследователя. Методика этой работы определяется спецификой предмета изучения. Не имея прямого доступа к предмету, исследователь должен восстановить его в своем сознании, то есть сформировать воображаемый образ, характер которого определяется как состоянием источников, так и возможностями и навыками историка. Следствием такой особенности познания прошлого является его принципиальная индивидуальность и изменчивость. Понимание событий прошлого и отношение к ним разных исследователей может кардинально отличаться, даже если опирается на одинаковый набор исторических источников. Фактически, предмет исследования формируется, существует и обрабатывается только в сознании историка, что позволяет сделать вывод о том, что история как форма познания обладает характером опыта. Именно в свете такого видения в полной мере раскрывается утверждение имманентной современности исторического познания. Познание прошлого всегда современно не только потому, что осуществляется в исторически заданных условиях, но и потому, что оно является частью непосредственного опыта мыслительной деятельности конкретного исследователя и не имеет независимого от этой деятельности предмета.

Исследуя характер исторического опыта, Коллингвуд достаточно высоко оценивает работу, проведенную в этом направлении М. Оукшоттом. Коллингвуд соглашается с утверждением о том, что непосредственный опыт включает в себя рефлексию, мысль о предмете опыта, следствием чего оказывается вывод о вовлечении сведений, получаемых из исторических источников, в процесс осмысления прошлого. Сами эти сведения, тот вид, в котором они представляются историком, их понимание формируются в ходе исследования, в чем и видится работа исторического опыта. Продуцируемое в итоге знание принимает не форму приращения вновь открытого к уже известному знанию, но

форму трансформации уже известного под влиянием новых идей [11, с. 99], то есть в качестве переосмысления, раскрытия вновь обретенных значений событий прошлого. Прошлое в этом отношении воспринимается феноменом настоящего. Историк исследует то, что является частью его современного опыта, но делает это, как если бы оно было прошлым [11, с. 111]. Последний вывод вызывает критику Коллингвуда, который усматривает в нем отрицание самостоятельного характера исторического опыта – в изложении Оукшота он предстает модусом опыта философского осмысления современной реальности, применяемым к объекту, помещенному историком в воображаемое прошлое. Представленный в этом виде анализ предполагает строгую альтернативу, согласно которой объект осмысления может быть либо уже случившимся, мертвым прошлым, либо живым настоящим, а поскольку прошлое не обладает самостоятельным существованием, то частью опыта может стать только современный объект, ошибочно принятый за прошлое [7, с. 154–155]. Коллингвуд рассматривает объект исторического исследования принципиально иначе, определяя его как прошлое, живущее в настоящем [7, с. 158]. Возможность для такой характеристики определяется специфической процедуры воспроизведения. Ориентированная на постижение проявлений духовной активности человека прошлого коллингвудианская методика исторического познания предполагает возможность восстановления мысли человека прошлого в современном контексте. Рефлексия исследователя позволяет сделать мысль прошлого частью современности, не отрицая ее принадлежности к прошлому. Объект исторического познания, таким образом, оказывается одновременно и современным, и прошлым, а именно прошлым, осмысленным в настоящем историка.

В этом британский философ усматривает своеобразие исторического опыта, делающее его необходимой и уникальной формой осмысления реальности, которая позволяет вовлечь то, что принадлежит прошлому, в контекст современного движения мысли. С другой стороны, уже сам исторический опыт дает возможность раскрыть важную особенность, в принципе свойственную опыту, который по сути своей обладает историческим характером. Дело в том, что опыт может сам по себе быть объектом рефлексии [7, с. 8–9]. Осмысление прошлого опыта приводит к его преодолению, развитию, сущность опыта заключается в том, что он находится в процессе непрерывного становления, приводя к получению нового опыта. Движение на пути непрекращающегося обновления опыта прокладывается опять-таки способностью к рефлексии [7, с. 85]. Это свойство опыта ярко проявляется в работе историка. Будучи активным исследователем, он не просто воспринимает информацию исторических источников, но проводит их критику, проверяя и анализируя ее. Для проведения такой критики необходим критерий, в соответствии с которым окажется возможным сравнивать между собой

сообщения различных источников информации, оценивать достоверность и релевантность сведений и т. д. В качестве этого критерия выступает, в первую очередь, жизненный опыт историка, знания, полученные из других сфер, в том числе понимание естественных законов природы, равно как и его убеждения, ценности, особенности восприятия, черты характера. Но, что наиболее важно, рефлексия по поводу уже проведенной работы делает критерием исторического познания сам опыт анализа исторических свидетельств. В ходе работы с источниками историк приобретает опыт и оттачивает профессиональные умения исследовать прошлое. Только в непосредственной практике изучения прошлого можно научиться мыслить исторически [7, с. 139–140]. Осмысление уже проведенной работы позволяет историку совершенствовать мастерство, чем больше исторических источников он проанализировал, тем профессиональнее он будет проводить исследования в дальнейшем. Даже возвращаясь к ранее уже рассмотренным проблемам, историк под влиянием вновь приобретенного опыта исторического исследования может изменить взгляд на них, по-иному представив и оценив события. История как особая форма познания, таким образом, сама становится высшим критерием работы исторической мысли. Приобретаемый опыт исторического мышления способствует развитию также и исторического воображения – чем более компетентным становится историк, тем более уверенно он пользуется доступными методами критики источников и экстраполяции сведений, полученных из них [7, с. 237]. В конечном итоге и фундаментальная идея истории, утверждающая общее восприятие, целостное представление о прошлом, не может оставаться неизменной, но конституируется и совершенствуется, возможно незаметно для самого историка, под влиянием развития его собственной исторической мысли.

Исторический характер опыта, раскрывающийся на примере познания прошлого, определяет его принципиальную незавершенность, открытость и внутреннюю предрасположенность к самосовершенствованию. Все эти черты свойственны и историческому познанию. Коллингвуд особо подчеркивает, что в истории, как и в любом другом серьезном деле, ни одно достижение не может быть окончательным [7, с. 248]. Все в исторической дисциплине подвержено непрестанному изменению: способы и подходы к работе, методы интерпретации свидетельств, понимание и оценки событий прошлого, само историческое познание и его проявления. Решая партикулярные проблемы, историк неизбежно открывает новое знание или переосмысляет старое, что само по себе ставит новые проблемы, требующие решения. Каждый исследователь застает определенное состояние исторической дисциплины в исторически заданных условиях, и своим трудом он способствует изменению и развитию самой истории, включаясь в общую традицию историографии. Каждое сочинение по истории может оказать влияние на пони-

мание прошлого, именно в контексте работы различных исследователей такое понимание формируется. В этом отношении личность историка, его индивидуальный опыт оказываются важнейшими факторами развития исторического познания. Но неизбежно и обратное влияние: исторический опыт, сама история как знание о прошлом участвуют в процессе формирования личности и мировоззрения, в том числе и людей, профессионально не занимающихся исторической наукой. В этом свете проявляется особое значение тезиса Коллингвуда, согласно которому ключевой целью истории как науки является самопознание человека [7, с. 10]. История решает эту задачу, не только исследуя деяния и духовный опыт человека прошлого, но и создавая возможность проанализировать мировоззрения человека через исследование особенностей индивидуального исторического опыта.

Р.Дж. Коллингвуд выстраивает эпистемологическую доктрину исторической науки, беря за основу методику интерпретации источников, которая призвана, используя логику вопроса и ответа, воспроизвести интеллектуальный опыт человека прошлого в контексте современного научного исследования. Это видение предполагает возможность преодолеть онтологический разрыв между прошлым и настоящим, утверждая идею вовлечения мысли прошлого, являющейся и навсегда остающейся частью прошлой реальности, в движение мысли исследователя. Так конституируется концепция исторического опыта как способа работы мышления, направленного на постижение предмета познания, не обладающего актуальным существованием в настоящем. Представление исторического познания в качестве специфического опыта позволяет обосновать автономию исторической дисциплины, внутри себя самой находящей необходимые для своего функционирования и самосовершенствования ресурсы. История предстает формой мысли, которая непрерывно меняется, реализуясь в единичных глубоко индивидуальных интерпретациях событий прошлого и будучи сущностно привязанной к ситуации современности. Каждое исследование с этой точки зрения рассматривается новым опытом взаимодействия с прошлым, который не может не оказывать влияния на своего автора, способствуя формированию и дальнейшему развитию понимания истории. Даже фундаментальная идея истории, определяемая Коллингвудом в качестве априорной, в свете работы исторического опыта меняет свое содержание. Выступая абсолютной предпосылкой исторического познания, в которой находит выражение обобщенный образ прошлого, целостное представление об истории, идея истории, необходимо принадлежащая сознанию историка и формирующаяся еще до начала работы со свидетельствами, оказывается подвержена трансформации и развитию под влиянием приобретаемого в ходе работы с историческими свидетельствами и углубления знаний о прошлом опыта. Формирующееся в итоге философских исканий Коллингвуда видение истории, характеризует ее

самостоятельным способом познания, чей предмет конструируется и существует в рамках конкретного исследования, следствием чего оказывается принципиальная ситуативность, противоречивость, изменчивость представлений о событиях прошлого. Многообразие возможных интерпретаций и оценок по каждому вопросу предстает не только неустранимым свойством, но и достоинством исторического познания, оборачиваясь фактором, который способствует углублению понимания прошлого, совершенствованию и развитию исторической науки.

Список литературы

1. Джей М. Опыт эстетический и опыт исторический: констелляция XXI века // НЛО. 2009. № 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/5/opyt-esteticheskij-i-opyt-istoricheskij-konstellyacziya-xxi-veka.html> (дата обращения: 10.08.2021).
2. Киссель М.А. «Критическая философия истории» в Великобритании // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 63–75.
3. Киссель М.А. Р.Дж. Коллингвуд – историк и философ // Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. М.: «Наука», 1980. С. 418–460.
4. Коллингвуд Р.Дж. Автобиография // Идея истории. М.: «Наука», 1980. С. 321–417.
5. Collingwood R.G. Are history and science different kinds of knowledge? // Mind, New series, Vol. 31, № 124, 1922. [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.southeastern.edu/Academics/Faculty/jbell/collingwood.pdf>. (дата обращения: 10.08.2021).
6. Collingwood R.G. Croce's Philosophy of History // The Hibbert Journal. 1921. XIX. P. 263–278.
7. Collingwood R.G. The Idea of History. Oxford: «Clarendon Press», 1946. 377 p.
8. D'Oro G. Collingwood and the Metaphysics of experience. Routledge, 2002. 192 p.
9. Dray W.H. History as Re-enactment: R.G. Collingwood's Idea of History. Oxford: «Clarendon Press», 1995. 347 p.
10. Mink L.O. Mind, History, and Dialectic: The Philosophy of R.G. Collingwood. Bloomington: Indiana University Press, 1969. 228 p.
11. Oakeshott M. Experience and its Modes. Cambridge: Cambridge University Press. 1933. 364 p.
12. Turner S. Collingwood and Weber vs. Mink: History after the Cognitive Turn // Journal of the Philosophy of History. 2011. Vol. 5, Is. 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://faculty.cas.usf.edu/sturner5/Papers/CogSciencePapers/WebCollingwoodWeberMink.pdf>. (дата обращения: 10.08.2021).

**COMPREHENSION OF THE CONCEPT OF HISTORICAL
EXPERIENCE WITHIN THE FRAMEWORK OF
THE PHILOSOPHY OF HISTORY R.G. COLLINGWOOD**

A.A. Avanesyan

The Rlit of the FPS of Russia, Tver

The theory of historical knowledge by R.G. Collingwood is built on the basis of the method of re-enactment the intellectual experience of a person of the past in a modern context. This approach assigns a key role in the process of studying the past to the historian's reflection, whose work is focused on comprehending historical evidence. As a result of the development of these ideas formed the conception of historical knowledge that has a nature of experience, characterized by fundamental incompleteness, variability and the ability to self-improvement.

Keywords: *philosophy of history, Neo-Hegelianism, reflection, historical experience.*

Об авторе:

АВАНЕСЯН Артём Александрович – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела ИОФЭД ЦИО ФКУ НИИИТ ФСИН России, Тверь. SPIN-код: 3088-8338, e-mail: artemavanesian@yahoo.com

Author information:

AVANESYAN Artem Alexandrovich – PhD (Philosophy), leading research fellow of the Dept. of ISFEA of CIS of The Rlit of the FPS of Russia, Tver. E-mail: artemavanesian@yahoo.com